

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . . . 70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 16 (372)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перен. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, Bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

30 Августа 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Испанский фронт.

Московская бойня:

Р. Абрамович. Загадка московского процесса.

Ф. Дан. Преступление.

М. Кефали. М. П. Томский.

Телеграмма Интернационала.

Со стороны: А. Цицига. «Что-то гнило в царстве Датском...»

А. Югов. Предвоенная лихорадка.

Литература и жизнь: В. Александрова. Вульгарный социологизм и народнический субъективизм.

Издания, поступившие в редакцию.

Почтовый ящик.

От редакции.

Фельетон: Ф. Дан. Пути возрождения (продолжение).

ИСПАНСКИЙ ФРОНТ

Второй раз на протяжении менее чем двух лет глаза рабочих всего мира, всех трудящихся, всех поборников свободы прикованы к Испании. Когда в октябре 1934 горнорабочие Астурии ответили восстанием на образование «предфашистского» кабинета Лерруса, введшего правительственную крепость те клерикально-монархические силы, с Хил Роблесом во главе, которые вонзают теперь предательский нож в спину пошавшей в свое время республики, наш журнал (№ 20 за 1934 г.) писал, что они не только обороняют свободу и социальные завоевания трудящихся Испании, но выступают в роли авангарда всего мирового социализма в борьбе против мирового фашизма: «По сравнению с Германией Австрия (февральское восстание Шутт-бунда) была этапом от вынужденной пассивной капитализации пролетариата перед фашизмом к вооруженному отпору передового пролетарского отряда. Испания по сравнению с Австрией — это этап массовой революционной борьбы рабочего класса и возглавляемых им непролетарских трудящихся масс против наступающего фашизма». Мы выражали уверенность, что именно этот массовый характер отпора предвещает «недалекий неизбежный конец испанского фашизма, и выражали надежду, что «при этом времени, и история отметит третий и последний этап в поступательной борьбе мирового пролетариата про-

тив фашистского варварства, и имя этому этапу будет — победа!»

Непревзойденному в своем героизме рабочему классу Испании выпал на долю великий подвиг и великая честь — и в этот третий этап, наступление которого было отмечено возникновением правительства Народного Фронта во Франции, дать фашизму первый решительный бой не на жизнь, а на смерть. Уже в 1934 году испанский пролетариат обнаружил поразительную политическую чуткость, своим восстанием с самого начала сорвав с пробивающегося к власти фашизма ту маску «национальных» интересов и «национального единения», которую он пытался прикрыть свой звериный лик, и лишив его тем самым, как мы констатировали в свое время, «всякой надежды на получение массового базиса». И ту-же поразительную чуткость, но и громадную организаторскую способность проявил он, поднявшись, как один человек, при первой-же вести о фашистском мятеже, увлекая за собою крестьянство и городские мешанские массы, создавая буквально из ничего, голыми руками производство оружия, формируя боевые отряды, овладевая траншейной, маневренной, артиллерийской, флотской и авиационной техникой и победоносно сопротивляясь генералам, имевшим за себя 9/10 офицерства, громадное большинство ре-

гулярных вооруженных сил и захватившим с самого начала чуть не все арсеналы и оружейные заводы Испании! Достаточно напомнить, что испанские «партизаны», в противоположность русским 17-20 годов, — не солдаты, прошедшие 4-летнюю школу войны и не мало усовершенствованного оружия принесшие с собой с фронта, а глубоко «штатские» люди, чтобы оценить все значение их военных успехов для мирового рабочего движения в эпоху, когда столь многие скептики готовы были уже заранее поставить крест над всякими надеждами массовых революционных движений перед лицом современной военной «техники». Держащие в своих руках ключи от производства, активные, революционные массы без «техники» оказываются все-же сильнее генералов с «техникой», но без масс, на которые они могли бы положиться, и с наемниками, «верность» которых они вынуждены «покупать»! И эти, вначале безоружные, но революционные массы оказываются для вооруженной до зубов военщины непобедимыми, если, как это было в Испании, им удастся захватить или удержать в своих руках хотя бы гражданский государственный аппарат и местные разветвления его, этот могучий рычаг организации, — вывод, бросающий яркий свет на глубокий революционный смысл тактики «единого» и «народного» фронта не только в странах непоколебленной еще демократии...

Но не только с точки зрения этих «уроков» революционно-пролетарской стратегии победа испанского рабочего класса будет иметь громадное значение для всего международного рабочего движения. Она будет и непосредственно первой победой социалистической демократии над фашизмом в открытом бою. Конечно, этот бой рабочие Испании начали, как оборонительный бой против наступающего фашистского мятежа. И, конечно, их первой задачей, которой они сознательно отдают свою жизнь, является защита демократической республики. «Но — повторим опять то, что наш журнал писал в октябре 1934 года, — кто может сомневаться в том, что возглавляемое рабочим классом и опирающееся на широкие слои городской и деревенской бедноты, движение это, в случае победы, силою вещей вынуждено было бы перешагнуть далеко за пределы первоначальных оборонительных задач, что из него могла бы выйти лишь революционная власть трудящихся, которая сломала бы сопротивление господствующих классов и наполнила бы «спасенную» республиканскую государственную форму совершенно новым социально-экономическим содержанием?» Именно поэтому победа испанских рабочих — не в метафорическом или сантиментальном, а в самом доподлинном и политически реальном смысле этого слова и является «своим» делом для всего мирового пролетариата, для трудящихся всех стран земного шара. Но будет-ли суждена героям Испании эта победа?

Если бы речь шла только об единоборстве внутренних сил Испании, не могло бы быть ни малейшего сомнения на этот счет: таково единогласное мнение всех, имевших возможность на месте наблюдать ход событий, и мнение это находит свое подтверждение в том факте, что все надежды мятежников на «молниеносный» успех уже развеяны в прах, что свыше месяца, несмотря на превосходство своих военных сил, они почти не могут двинуться с места. Но в том-то и дело, что господствующие классы всего капиталистического мира не хуже, а зачастую лучше трудящихся масс сознают мировое значение испанских событий, ощущают дело мятежных испанских генералов, как свое собственное кровное дело. Теряя веру в жизнеспособность возглавляемого ими строя и в свое собственное будущее, они все больше делают правилом своей

политики, и внутренней, и внешней, — «после нас хоть потоп!», подчиняют эту политику целиком инстинкту самосохранения и потому капитулируют перед фашизмом в одних странах, тянутся к нему в других, ибо видят в нем последнее орудие продления своего господства. И во внешней политике мотивы социального самосохранения и ненависти к грядущему на смену отжившего капиталистического мира социализму начинают перевешивать мотивы экономического, империалистического, военно-стратегического и национального порядка. Потому-то и присутствуем мы при таком парадоксальном зрелище, что самые патентованные «патриоты» и тех стран, национальным интересам которых самым непосредственным образом угрожает победа испанских фашистов, всем сердцем своим желают этой победы и готовы свое собственное «отечество» заклясть на ее алтаре.

Перед этим давлением господствующих классов, идущим не только изнутри Франции, но, еще больше, извне ее, со стороны всех возможных «союзников», пришлось склониться даже французскому правительству Народного Фронта. Оно вынуждено было отказаться не от военной интервенции, которой никто и не требовал, а от предоставления законному демократическому правительству Испании тех возможностей самонаблюдения, которые числятся за ним по международному праву, — провозгласить «нейтралитет», т. е. политическую равноценность и равноправие этого правительства и восставших против него генералов. Остается надеяться, что «интернационализация» этого нейтралитета, которой французскому правительству удалось добиться мессажом усилий от чемпионов мирового фашизма, Гитлера и Муссолини, все это время открыто снабжавших оружием своих испанских собратьев, не окажется слишком запоздалой и достаточно свяжет Германию и Италию, чтобы не превратить на деле «нейтралитет» в санкционирование преимуществ, которым пользовались до сих пор мятежные генералы. Остается надеяться, что это новое отступление перед Гитлеровским и Муссолиниевским кулаком, подрывающее морально-политический авторитет демократических правительств и в массах, и среди тех малых государств, которые до сих пор шли за этими правительствами, не окажется на деле, вместо средства предотвращения войны, наоборот — поощрением военной агрессии наглеющего германского и итальянского фашизма...

Но чем более опасной может оказаться — пусть вынужденная — несостоятельность и самых демократических правительств в этот критический момент, тем с большей настойчивостью и энергией должна сосредоточиться работа всех классовых организаций пролетариата, политических, профессиональных и кооперативных, на активной и всесторонней поддержке трудящихся Испании в их героической борьбе. И секретарь Бельгийской Рабочей Партии, Дельвинь, выразил, конечно, общую мысль всех сознательных пролетариев, когда в центральном органе этой партии, Брюссельском «Пэпль», энергичным, но мало пригодным для печати словом известного французского генерала Наполеоновских времен, Камбронна, послал куда следует Муссолини, который (а вслед за ним и Гитлер), смешивая демократические страны со своей сатрапией, имел дерзость требовать от правительств этих стран запрещения «публичных манифестаций, выступлений в печати, денежных сборов, посылки добровольцев и т. п.», — все во имя «невмешательства» международного пролетариата в дорогое главе итальянского фашизма дело удушения республики и трудящихся масс его испанскими подручными.

С глубоким удовлетворением можно констатировать, что и Социалистический Интернационал, и Междуна-

родная Федерация Профессиональных Союзов и все примыкающие к ним организации, поняли тот долг, который возлагает на них — не по отношению только к испанским трудящимся массам, а прежде всего и больше по отношению к самим себе! — исторический момент: они ни на минуту не останавливают, наборот, все расширяют и развивают свою кампанию помощи республиканской, рабоче - крестьянской Испании. Но не менее глубоким — прискорбием приходится признавать, что есть одна страна, представляющая в этом отношении исключение, и что этой страной является, увы, Советский Союз.

Правительство этой страны не имеет за своею спиной буржуазии, с которою ему приходилось бы считаться. Но мы не слышали от этого правительства ни одного слова, которым оно заявило бы о своей готовности дать законному, республиканско - демократическому, рабоче - крестьянскому правительству Испании возможность пользоваться своим неоспоримым правом закупать в Советском Союзе все, что ему нужно для защиты от напавших на него фашистских бандитов. Мы не слышали от этого правительства ни одного слова, которым оно бы заявило о своей готовности хотя бы присоединиться к тем правительствам, которые не признают возможным соблюдать «нейтралитет», уравнивающий возможности снабжения или не-снабжения защищающих свою жизнь и свободу трудящихся Испании и для накидывающих на них удавную петлю фашистских бандитов. В одной из немногих статей, которые «Правда» (4 авг.) сочла возможным посвятить испанским событиям, горячо приветствовались попытки «рабочих Франции, Англии, США и других капиталистических стран» побудить «свои правительства» «оказать непосредственную помощь испанскому правительству, беспрепятствовать доставке оружия испанским фашистским генералам», но ни звука не говорилось о том, что же намерено для этой «помощи» и этого «воспрепятствования» делать или предложить само советское правительство. Для Советского Союза оказывалось достаточно, что «многомиллионные трудящиеся масс уже подняли свой голос негодования и протеста против фашистских интервентов». Увы, уже через два

дня — т. е. тогда, когда нельзя было еще предвидеть, что столбцы советской печати понадобятся «целиком и полностью» для резолюций тех-же «масс» с требованием убийства всех старых вождей и создателей большевистской партии, — уже начиная с 7 августа печатание резолюций об испанских событиях, отчетов о сборах и т. п. так-же внезапно прекратилось, как внезапно началось оно за 3-4 дня до того. Советский Союз оказался единственной не-фашистской страной, которая беспрекословно выполнила требование Муссолини и Гитлера, единственной не-фашистской страной, правительство которой задушило массовый «голос негодования и протеста» против разбойных фашистов Испании и помогающих им со стороны «фашистских интервентов», голос сочувствия, поддержки и одобрения георическим защитникам испанской демократии и испанского социализма!

С чувством жгучего стыда, но и величайшей тревоги приходится отметить этот позорный факт, свидетельствующий, наряду с вопиющим преступлением «суда» над «троцкистами - зиновьевцами» и их расстрела, о том поистине катастрофически - опасном направлении, которое все больше принимает и внутренняя, и внешняя политика Сталинской диктатуры. Но не может быть ни малейшего сомнения в том, что эта политика стоит в самом резком противоречии не только с интересами, но и с настроениями широчайших масс Советского Союза: не сама-ли «Правда» в своей, цитированной уже статье от 4 августа засвидетельствовала это? Не может быть ни малейшего сомнения в том, что трудящиеся Советского Союза так-же всем сердцем со своими испанскими братьями, так-же готовы всячески помогать им, так-же понимают, что свою героическую борьбу они ведут не против испанского только, а против всего объединившегося против них мирового фашизма, как и трудящиеся всего мира.

В траншеях Гвадаррамы испанские рабочие защищают дело свободы и социализма не только в Испании, но одинаково во Франции, в Англии, во всей Европе, во всем мире и — в Советском Союзе. Все силы трудящихся всех стран им на помощь! Все для их победы!

МОСКОВСКАЯ БОЙНЯ

Загадка московского процесса

Заключительный акт московской трагедии завершен: обвиняемые расстреляны. Шестнадцать раз рука палача отравила смертоносный свинец в затылок осужденных. Шестнадцать новых трупов прибавилось к тем человеческим гекатомбам, которыми ознаменовала себя большевистская диктатура.

Революция, как сказочный Сатурн, пожирает своих детей. Этот закон развития, с классической ясностью сформулированный Марксом, связан в нашем представлении с так наз. восходящим типом революции. Нерешительные и колеблющиеся отряды революции, задержавшиеся в своем стремительном беге, безжалостно сметаются новыми более решительными колоннами, которые становятся на их плечи. И при каждой такой смене революционного авангарда, происходящей обыкновенно в условиях гражданской войны и иностранного вмешательства, смертельная опасность, угрожающая всему делу революции, заставляет новых вождей подавлять колебания и смятения в революционном лагере террора и смертных казней.

Суд истории склонен снисходительно относиться к

пролитию крови, совершенному в таких условиях ради спасения революции и родины. Но и самый пламенный пролетарский революционер с ужасом и омерзением отвернется от массовых убийств, хладнокровно обдуманных и совершенных для целей личного господства на излете революции, без всякого действительного оправдания.

Казни, совершенные большевистской диктатурой, исчисляются десятками, если не сотнями тысяч. Мир о них знает. Но несмотря на это, казнь «16 террористов» поистине потрясла сейчас весь пролетарский мир Европы.

Это объясняется прежде всего тем, что в Европе за последние три года создалось представление о далекой идущей стабилизации, об огромном укреплении и усилении революционного режима в Советской России. Широкие массы европейского пролетариата, вплоть до кругов буржуазии, поверили в то, что в окрепшей экономически и социально Советской России наступает успокоение, что вместе с голодом и разорением исчезают все больше и больше остатки военно - террористического режима, что Россия, наконец, вступила на путь мирной социальной эволюции и демократизации, самым ярким проявлением которой является возве-

ценная Сталиным новая конституция. Кровавая массовая расправа в момент, когда в стране, по единодушным уверениям советской печати царит неслыханный экономический и культурный подъем; когда гигантское большинство населения молится на обожяемого «вождя»; когда в стране нет ни гражданской войны, ни эпидемий, ни мора и ни глада; когда иностранные войска не находятся на территории Советской России и не угрожают существованию русской революции, — для кровавой расправы в такой обстановке совесть пролетарского мира не может найти оправдания. Это ощущение еще усугубляется тем, что даже очень наивным и неискушенным в юридических тонкостях людям бросается в глаза явная тенденциозность московского процесса. Несмотря на категорические заверения советской печати и на «чистосердечные признания» самих обвиняемых, ни у кого нет внутренней веры в то, что обвинение, выдвинутое против подсудимых, хоть сколько-нибудь обосновано. Наоборот, у более внимательных наблюдателей процесса создается совершенно отчетливое представление судебной комедии, шитой белыми нитками и инсценированной по образцу других «показательных процессов», в особенности знаменитого процесса «Союзного Бюро меньшевиков» (Март 1931 г.).

Мы не станем здесь входить в юридический анализ процесса 16-ти: для этого надо было бы иметь стенографические протоколы заседаний, ибо сокращенные отчеты советской печати явно искажают и извращают уже и без того искаженные и извращенные судебные приращения. Но уже теперь можно установить следующее: как и в процессе меньшевиков, «процесс 16-ти» построен исключительно на самообвинениях и «чистосердечных признаниях» самих подсудимых. Нет ни одно-

го документа, ни одного письма, ни одного стороннего свидетельства! Если бы обвиняемые условились все отрицать, то на суде нельзя было бы обосновать ни одного обвинения против них, и нормальный суд нужен был бы их оправдать.

Как и в процессе меньшевиков, улики против обвиняемых часто страдают явными несообразностями, противоречиями и полной неправдоподобностью. Теоретически не исключено, что в среде большевистской оппозиции, доведенной до отчаяния уничтожением остатков «партийной демократии», стали нарождаться настроения терроризма. В этом не было бы ничего невозможного или невероятного. Но когда чистосердечно признающиеся во всем обвиняемые утверждают, что центром этой террористической организации являлись Зиновьев, Каменев и Троцкий; когда они признаются в том, что действовали при помощи и поддержке гитлеровской полиции; когда представителем начальником Гестапо Гимлера объявляется левый социалист Вейс еще в 1931 году, т. е. за два года до пришествия к власти Гитлера и Гимлера работавший в Советской России по постройке рабочих жилищ; когда посредниками между террористами и Гестапо изображаются молодые еврейские Ольберг и Лурье; когда такой человек, как И. Н. Смирнов изображается послушным агентом — исполнителем «приказов» молодого сына Троцкого, — то все это носит на себе неизгладимые следы сознательной лжи, подлога и провокации.

«Правда» яростно обиделась на проявленное в телеграмме Адлера, Де-Брукэра, Ситрина и Схевенель «недоверие к советской юстиции». Но откуда взялось это недоверие после процесса меньшевиков? Единжды совравши, кто тебе поверит? На кого могут теперь в Европе подействовать «чистосердечные признания»

ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (Продолжение)

3. Перспективы завершительного периода.

а) Социализм?

Социалистическое строительство еще не завершено, но социализм уже победил в стране целиком, полностью и бесповоротно. Классы еще не окончательно ликвидированы, но классовые грани между основными массовыми силами Советского Союза — рабочими, крестьянством, интеллигенцией — все больше стираются, противоречия их интересов сменяются гармонией социальной солидарности, советское общество все больше становится социально однородным, сплошь социалистическим обществом «трудящихся». Существующие еще остатки разбитых революцией классов не имеют уже никаких шансов подчинить массы своему реставрационно-капиталистическому, контр-революционному влиянию. Поэтому и становится ныне возможным увенчать почти уже готовое вчерне социалистическое здание «самой совершенной демократией», режимом свободы, всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и т. п...

К сожалению эта утешительная официальная версия находится в слишком очевидном противоречии с действительностью, чтобы ее можно было принять на веру. И прежде всего: точно-ли можно считать победу социализма в советской стране окончательно обеспеченной и предрешенной?

Нет сомнения, что советская революция создала целый ряд технических, экономических, социальных и культурных предпосылок, которые могут послужить прочным фундаментом для социалистического здания: колоссальный технический прогресс, гигантский под-

ъем индустриализации, огромный рост механизации производственных процессов, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, централизация и планомерное руководство всею хозяйственной жизнью; социальная ликвидация, а в значительной мере и вытеснение в эмиграцию и даже физическое вымирание господствующих классов прошлого и тех социальных слоев, которые служили и могли бы служить им прочной опорой в народных, особенно, крестьянских низах («культурное»); заполнение всех отраслей государственным и хозяйственным управлением «плебейскими» элементами, революцией выдвинутыми и воспитанными, и возвращение этих элементов к руководящим постам государственного и хозяйственного аппарата; грандиозный культурный подъем масс и формирование их социально-политического мышления под воздействием этой социалистической идеологии, которая в течение почти двух десятилетий официально проповедуется в школах, в печати, в речах и в правительственных документах; и т. д., и т. д.

Таким образом, в условиях развития советского общества коренятся действительно мощные факторы, имеющие тенденцию сделать это общество социально-однородным обществом «трудящихся», обществом социалистическим. Но те же самые условия — и в этом заключается «диалектика» советского развития — создают одновременно факторы противоположного порядка, порождающие и противоположные социальные и идеологические тенденции, прежде всего — тенденцию к новой социальной дифференциации и самой массы «трудящихся». Из этой массы выделяется довольно широкий уже слой, все более резко

когда в процессе меньшевиков не менее 6 обвиняемых с величайшими деталями «каялись» в своих преступных свиданиях с Абрамовичем в Москве в те самые дни, когда и Адлер, и Де-Брукэр, и Ситрин, и Схевенельс и сотни других деятелей социалистического движения своими глазами видели того же самого Абрамовича в Брюсселе на конгрессе РСИ? Откуда может у социалистического пролетариата Европы явиться доверие к советской прокуратуре, когда тот же генпрокурор Вышинский (меньшевицкий ренегат) на процессе меньшевиков «официально» установил (опять таки на основании признаний самих обвиняемых), что инструкции для контр-революционной интервенции и вредительства русских меньшевиков в России были разработаны на совещании европейских социалистов при участии Отто Бауэра, Фрица Адлера, Леона Блома, Вандервельде, Гильфердинга и др? Откуда может быть доверие к советскому суду и советской прокуратуре, когда европейское общественное мнение из последних заявлений и голодовки Суханова теперь уже знает, что меньшевицкий процесс был бессовестной комедией, в которой «чистосердечные покаяния» разрабатывались обвиняемыми совместно с судебными властями в порядке «распределения ролей»?

**

Но для каждого вдумчивого человека, хотя бы и незнакомого с историей меньшевицкого процесса, «московский процесс коммунистов» являет собою и психологически и формально целый клубок непримиримых противоречий.

Допустим на минуту, что суд прав, и что перед нами на московском процессе действительно была группа

отличающийся от нее по всем материальным, социальным - политическим и культурным условиям своего существования. Этот слой все более становится действительным распорядителем и хозяином «общенародных» производительных сил и самого советского государства, и верхушечная часть его все более стремится (в самих условиях своего существования черпает и возможность) сделать свое привилегированное положение, так сказать, семейно - наследственным и самое социалистическую идеологию переработать так, чтобы флагом «национальных» интересов «социалистического общества» покрыть на деле лишь свои собственные частные интересы. Но обо всем этом приходится говорить достаточно часто и подробно, чтобы надо было еще раз возвращаться к этой теме.

Правда, «накопления», которые верхушка этого слоя имеет возможность делать уже в довольно крупных размерах, носят пока лишь потребительский характер: дома, дачи, автомобили, драгоценности, предметы искусства и домашнего обихода, сбережения «на черный день» и т. д. Но это не значит, что при изменившихся обстоятельствах те же самые накопления не смогут получить и хозяином - производителем и главным применением, т. е. не станут орудием возрождения частно - капиталистического хозяйства*). Ибо, не говоря уже о факторах мирового порядка, которых мы еще коснемся ниже, — не надо забывать, что

*) В советских газетах промелькнули за последнее время сообщения (конечно, в порядке разоблачения раскрытых злоупотреблений, но ведь раскрывается лишь ничтожная доля этих злоупотреблений!) о прикосновенных к командованию в деревнях, самых официально - правозверных «коммунистах», умудрившихся уже и сейчас сосредоточить в своем личном владении и хозяйственной эксплуатации целые сотни гектаров земли!

заговорщиков - террористов. Но ведь во главе этой боевой организации, если верить обвинителю, стояли люди как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Бухарин, Томский, Сокольников — все люди с огромным революционным прошлым, люди, принимавшие самое активное руководящее участие в октябрьском перевороте и гражданской войне, люди, в течение долгих лет стоявшие во главе советского правительства, ВКП и мирового коммунизма. От таких людей естественно было ожидать достойного и революционного поведения на суде. Ведь не каялись же Дантон и Демулэн, ведь не называл сам себя негодяем и изменником Каляев?! Если все эти заслуженные революционеры, коммунисты, рабочие деятели действительно были террористами, они должны были на суде защищать свой террор, оправдывать его необходимость и неизбежность, гордо бросать вызов своему врагу Сталину. Что же мы видели на самом деле? Отвратительные сцены унижительных признаний и покаяний, когда люди на перебой умоляли суд признать их виновными, самыми виновными; — тошнотворные картины взаимного оплевывания обвиняемых и подобострастного преклонения перед тем, против которого они будто бы замыслили террористический заговор! Таких сцен морального мазохизма и иступленного самоунижения не знают и суды Священной Инквизиции.

Но, может быть, прав Вышинский в своей характеристике обвиняемых? Может быть, все эти борцы октябрьской революции, создатели большевицкой партии и советского строя, строители большевицкой идеологии, главные теоретики и идеологи марксизма-ленинизма действительно являются — как утверждал Вышинский — людьми без убеждений и принципов, без совести и чести, «негодьями, подлецами и изменни-

основа для такого возрождения не исчезла в советском обществе. Она не исчезла прежде всего в советской деревне, несмотря на ее сплошную коллективизацию. Наоборот, именно для упрочения этой сплошной коллективизации, не выросшей «органически» из добровольного кооперирования крестьянства, а спешно введенной мерами насилия, приходится все больше расширять сферу частного хозяйства колхозников — в такой мере, что это хозяйство становится подчас чуть не основным источником их личного существования, в то время как действительно «обобществленный» сектор превращается, главным образом, в резервуар для покрытия государственных и местных налогов и повинностей.

Но и независимо от роста частно - хозяйственных предприятий (возможного, конечно, соответственно всей эволюции современной экономики, лишь в общих рамках хозяйства, государственно «управляемого»), дальнейшее нарастание и победа только что отмеченных «анти - социалистических» тенденций развития существенно изменили бы весь характер советского хозяйства: и оставаясь в огромной части своей хозяйством государственным, оно — и по характеру взаимоотношений между руководителями производства и его «рабочими руками», и по методам распределения приносимого им дохода — все больше и все определеннее приобретало бы все признаки хозяйства государственно - капиталистического.

Таким образом, и с точки зрения чисто внутренних условий развития Советского Союза вопрос об окончательной победе социализма может решиться не в идилическом порядке безмятежного и прямолинейного поступательного движения, а лишь в порядке борьбы двух противоположных тенденций, одинаково этими условиями порождаемых. И опять та-

ками», лжецами и «двурушниками», «готовыми на любые преступления в погоне за личной властью»?

Можно было бы согласиться с этой гипотезой, — хотя она исторически означает не что иное, как признание, что «великая октябрьская революция» была по существу совершена группой бесчестных и беспринципных негодяев и властолюбцев! — если бы этому самым резким образом не противоречило поведение обвиняемых во все время, и особенно в последнюю минуту процесса. Люди без принципов и без совести изворачиваются всеми правдами и неправдами, когда попадают в беду. Почему-же все эти «бесчестные мелкие людшки» не попытались на суде вывернуться, как всегда выворачиваются мелкие мошенники, не пойманые с поличным? Почему они не отрицали наголо и на-чисто всех приписываемых им обвинений, раз против них не было никаких материальных улики, и все обвинение было построено исключительно на их собственном признании? И если эти признания были от них исторгнуты пытками и страхом, то почему же они не воспользовались широкой всеевропейской публичностью суда, чтобы взять обратно свои признания и поставить суд перед щекотливой необходимостью вынести свой приговор на основании признаний, взятых обвиняемыми обратно? Чем они рисковали при такой практике, раз на основании поднятой во всей печати и в стране яростной кампании они знали, что смертная казнь все-равно неизбежна?

Почему же они не старались себя выгородить, не пытались себя спасти, почему они — наоборот — славили того, на кого организовывали покушение? Почему использовали свое последнее слово для возвеличения советской власти, коммунизма и Сталина, в момент, когда смерть им уже смутрела в глаза? Значит, это

были действительные и настоящие революционеры, для которых дело революции было выше их фракционных интересов и даже собственной жизни? Значит, это были люди чести, а не мошенники?

Но разве честные и искренние революционеры, даже когда они каются в совершенных ошибках, ведут себя так, как вели себя на суде Каменев и Зиновьев? Тут все непонятно и все полно противоречий, если только не принять, что «процесс 16» был, как и процесс меньшевиков, постыдной судебной комедией, где роли были заранее распределены, где показания, признания и покаяния были заранее тщательно выработаны при участии Вышинского, где крупная политическая правда была утоплена в море юридической и моральной лжи*).

**

Почему обвиняемые согласились на эту позорную игру? Этот вопрос стоял перед нами и в момент меньшевистского процесса. Заявления Суханова и Иковича проливают свет на эту поистине темную страницу советской истории.

*) Некоторые из «интимных бесед», оглашенных по суду, производят впечатление правды. Нет сомнения, что оппозиционеры в годы фракционной борьбы 1926-1929 совершенно конкретно и горячо обсуждали возможные планы, направленные к тому, чтобы вырвать власть из рук Сталина.

В корреспонденциях «С. В.» в свое время в частности подробно рассказывалось о «заговоре», состоявшем в том, чтобы на пленуме Ц. К. убрать Сталина из Секретариата Ц. К., и шить его, т. обр., фактической власти. Будто-бы для этого шага было уже готовое большинство в Ц. К., сорвавшееся в последний момент благодаря трусости Рыкова, Каменева и др. Теперь этот — вполне легальный! — акт внутренней партийной борьбы превращается в «террористический заговор». Намерение членов Ц. К. не переизбрать Сталина фальсифицируется в план убийства!

ки вряд-ли надо на страницах нашего журнала еще раз возвращаться к доказательству того, в какой мере сама террористическая диктатура, завершившая уже весь цикл своих положительных исторических задач и именно поэтому неудержимо бюрократизирующаяся и пресонифицирующаяся, все больше становится — и политически, и идеологически — фактором, подрывающим социалистические тенденции развития, вопреки ультра-социалистической официальной фразеологии. И это — не только в сфере внутренней политики, но и политики внешней. что особенно важно в наше время, когда весь мир дышет предвоенным воздухом и когда методам борьбы за предотвращение войны, как и методам ее ведения, если она разразится, будет неизбежно принадлежать решающее значение в определении дальнейших судеб и Советского Союза, и всего человечества.

Итало-абиссинская война и связанные с ней эпизоды истории Лиги Наций; лихорадочная подготовка к войне Гитлеровской Германии и ее возрастающая дипломатическая агрессия; непрерывное продвижение вперед японского милитаризма; пришествие к власти во Франции правительства Народного Фронта с его внутренне- и внешне-политическими последствиями; и, наконец, гражданская война в Испании, с такой отчетливостью вскрывающая то нарастающее влияние, которое начинают оказывать и на внешнюю политику буржуазии всех стран мотивы все обостряющихся социальных антагонизмов; — все это с очевидностью доказывает, что, если капиталистическому миру суждено будет еще раз пережить потрясение «великой» войны, то с чего бы эта война ни началась, какие бы конкретные цели ни ставили себе ее участники и как бы ни группировались они на пороге военного конфликта, действительным историческим содержанием этого кон-

фликта станет, в конце концов, то самое решительное столкновение между оруженосцем упадочного мирового капитализма — фашизмом и социализмом, которое все более становится центральной осью «мирной» политической жизни всех капиталистических стран: недаром сказал Муссолини в одном из своих недавних газетных интервью, что время войн между государствами вообще миновало, что теперь мыслимы лишь перенесенные на международную арену гражданские войны.

Назревающим «последним и решительным боем» между мировым фашизмом и мировым социализмом охвачена вся наша эпоха. И само собою понятно, какое решающее значение для укрепления и окончательного торжества социалистических тенденций в развитии Советского Союза имела бы победа мирового социализма в этом бою и, наоборот, какую катастрофу для этих тенденций оказалось бы его поражение. И наоборот: катастрофой для всего международного социализма было бы крушение социалистических тенденций и капиталистическая реставрация в Советском Союзе. Ибо в нашу эпоху и в советской стране — и в ней, где широчайшие народные массы еще дышат трясучей атмосферой революции, более, чем где-либо, реставрация эта мыслима не в свободных формах политической демократии, а лишь в формах той или иной фашистской разновидности контр-революции.

Капиталистическо-реставрационная контр-революция была бы таким образом сильнейшим ударом не только для российского, но для всего международного социализма. Этот удар мог бы оказаться смертельным, если бы такая контр-революция осуществилась в ходе европейской или мировой войны. Поэтому и российский, и международный социализм теперь меньше, чем когда-либо, может ориентировать свою политику

ветского правосудия: комбинированной системой физических и моральных пыток — по отношению к одним; искусственной психологической обработкой по отношению к другим; прямым подкупом по отношению к третьим, — среди нескольких сот арестованных властям удается выделить десяток - полтора таких, которые дают себя сломить. Всех, проявивших должную твердость характера и непреклонность воли, из таких процессов устраняют, как вывели из меньшевистского процесса целый ряд старых товарищей. А обвиняемых, морально и физически сломленных еще до суда, на самом суде и в течение его держат в повиновении либо обещанием фактической безнаказанности (как Суханова и др.), либо надеждой на помилование, как в процессе Зиновьева - Каменева. Поставленные перед трагическим выбором между верным расстрелом для себя и для семьи, (упоминание Каменева о его трех сыновьях было сделано недаром) и хотя бы слабой возможностью остаться в живых и спасти семью, — эти сломленные, совершенно потерявшие чувство достоинства люди послушно повиновались каждому жесту Вышинского, стараясь поймать в его глазах хоть слабый отблеск надежды.

Но советская юстиция обманула в свое время кающихся меньшевиков, на что так горько жаловался Суханов. Не пощадила она и кающихся «террористов»... Возрождение методов инквизиции в государстве, претендующем на построение социализма, превращение русской революции в противоестественную амальгаму из Маркса и Торквемады само по себе уже является фактом огромного морально - политического значения для судеб всего пролетарского движения. Но еще гораздо более важное значение имеет вопрос о тех непосредственных политических последствиях, которые мо-

гут возникнуть при возвращении русской революции назад, к капитализму. Более, чем когда - либо, он кровно заинтересован в сохранении и укреплении социалистических возможностей развития советской революции, в ее продолжении вперед, в социализм. Но тяжелую и именно для социализма опасную ошибку делают те международные социалисты, у которых «желание является отцом мысли» и которые, игнорируя «диалектический» характер советского развития, пытаются убедить себя и других в «окончательной и бесповоротной» победе социалистических тенденций этого развития. Нет, и в советском масштабе, как и в мировом, победа социализма в назревающем бою его с фашизмом и фашистской опасностью отнюдь не предрешена «автоматически». Эта победа может быть лишь результатом успешной борьбы. И проблемы демократизации советского режима потому и приобретают теперь, в завершающий период революции, такой жизненный характер, что они неразрывно связаны с шансами на успех этой борьбы за социализм.

б) Демократизация?

Забывая о всей предшествующей долголетней политике Сталина, можно было бы утешать себя надеждой, что ныне всемогущий диктатор по собственному почину решил приступить к ограничению своего всевластия и к подготовке его постепенной замены режимом демократии, если-бы... если бы в действительности имелись хоть малейшие признаки такой отрадной эволюции. На деле действительность говорит обратное: со времени провозглашения демократизации практика и культ единоличной сталинской диктатуры не только ни в малейшей степени не смягчаются, но с каждым днем все более приобретают характер какой-то иступленной оргии. И при новой конституции Сталин явно хо-

сковский процесс должен иметь для русской революции и мирового социализма.

Прежде всего в области внешне - политической.

Мир занят испанской трагедией, от исхода которой зависит судьба Народного Фронта во Франции и все состояние европейского равновесия; Германия стучит «бронированным кулаком» по столу и увеличивает свои вооружения, лихорадочно готовясь к войне; пролетарская общественность всего мира все больше поворачивается лицом к Сов. России, в которой она видит наиболее вероятную жертву фашистского нападения, на защиту которой она тем больше готова стать, чем больше ей кажется, что русская революция после кровавых бурь, голода и эпохи террора входит, наконец, в мирную гавань пролетарской демократии; идея единого фронта приобретает, на этом основании, все больше и больше сторонников в среде европейского социализма. И вот в этой ситуации Сталин инсценировкой явно-подложных процессов, массовыми смертными казнями, развязыванием отвратительно - кровожадной свистопляски на заводах и во всей прессе одним махом разрушает с таким трудом достигнутые результаты. Потрясенный мир убеждается, что все представления о превращении России в страну мирного труда и все надежды на демократическую эволюцию являются ложными и иллюзорными, что Россия еще не вышла из кровавого хаоса и массового террора. Если поверить «фактам», установленным Верховным Трибуналом, то не только Россия, но и сама Комм. Партия насквозь, вплоть до ЦК и Политбюро, пронизана ячейками и организациями террористов, связанных с Гестапо, т. е. агентов гитлеровского правительства; если поверить признаниям подсудимых, то в среде самых высших руководящих слоев ВКП и сов. правительства происходит процесс

чет сохранить в полной мере свое всевластие, как Николай 2-й хотел сохранить «неограниченное самодержавие» и после конституции 1905 года. Но, если диктатура класса вполне соединима с демократией и даже немислима иначе, как на ее основе*), то единоличная диктатура и демократия — два принципа, между собою абсолютно несовместимые или, точнее, совместимые лишь постольку, поскольку из демократического принципа выхолащивается его реальное содержание и его бездушная форма превращается в орудие для укрепления фактического единодержавия. История дает нам примеры «использования» всеобщего избирательного права для укрепления диктатуры Наполеона III во Франции, монархии в Германии и Австро - Венгрии, как современность показывает образцы фальсификации демократии германским и итальянским фашизмом. Нужно закрыть глаза на действительность, чтобы не видеть, что в намерениях Сталина новая конституция призвана играть роль не орудия хотя бы постепенной ликвидации его единоличной диктатуры, а, наоборот, орудия ее укрепления. И для оценки действительного исторического значения новой конституции и открываемых ею перспектив нужно исходить (как надо было исходить и по отношению к октябрьскому манифесту 1905 года) не из благих или злых намерений «величайшего из людей» («Правда», 17, 8), и из анализа объективных условий, которые побуждают его ныне облакать свою единоличную диктатуру формами демократической государственности, и тех объективных возможностей, которые это вынужден-

*) Говоря в этой связи о демократии, мы имеем в виду, разумеется, не ее исторически переходящие и меняющиеся формы, а ее сущность, заключающуюся в подчинении государственной машины активной, организованной и решающей воле народных масс.

зоологической борьбы за власть, процесс непрерывного разложения и морального распада, с какой то фатальной силой толкающий испытанных революционеров с мировым именем, наиболее видных теоретиков и идеологов ВКП, личных друзей и многолетних сотрудников Ленина в объятия фашизма и реакции. Как тут верить в прочность и стабильность режима? Как тут оценить внутренние тенденции развития «социалистического строя», возникающего в России? Но если суду не поверить, если все эти обвинения счесть измышлениями, то придется придти к заключению, что высшая власть в Сов. России, возглавляемая кумиром народных масс, находится в руках фальшивомонетчиков, занимающихся фабрикацией ложных обвинений, инсценировкой тенденциозных процессов, фальсификацией правосудия, расстрелом заведомо - невинных рабочих вождей?!

Не трудно представить себе губительные моральные и политические последствия такого международного развития, как для мирового рабочего движения, так и для безопасности русской революции.

И эти катастрофические последствия «процесса» вряд ли искупаются теми жирными поцелуями, которые Сталин за свой «реализм» получил от фашистского оффициоза «Месаджеро» и некоторых других органов европейской реакции.

*
**

Не может быть, чтобы Сталин и его советники не понимали этого. Если Сталин все же пошел на этот новый поворот в своей тактике, то его к этому толкала не только личная жестокость и злобная мстительность, но и логика того внутреннего развития большевистской

ное обращение к принципам демократии открывает для борьбы за действительную демократизацию советского режима.

О роли, которую играют в неожиданном повороте Сталина к «демократии» внешне - политические соображения, нарастающая военная опасность и связанная с нею необходимость «примирения» с широкими народными, особенно крестьянскими массами и т. п., говорилось и писалось уже не мало. Роль эта, несомненно, весьма значительна, но не исключительна, и вряд ли даже можно признать ее основной. Основных стимулов поворота приходится искать все-же в условиях внутреннего развития Советского Союза. Мы уже видели, как процесс возникновения единоличной диктатуры сопровождался фактической ликвидацией диктатуры партии и сочетался с необходимостью для Сталина все больше опираться на ширящийся слой «беспартийных большевиков». Партийный аппарат оказался не только недостаточным для выполнения тех задач, которые ставит перед властью необычайно расширившееся и усложнившееся хозяйство, вызывающее соответствующее расширение и усложнение задач и государственного управления, но — по своему личному составу и долголетним традициям — и мало пригодным для выполнения этих задач. Более того, партия становится, с точки зрения единоличного диктатора, все более ненадежной: в качестве единственной в стране корпорации, пользующейся, хотя бы номинально, монополией организации и «политики», она, естественно, делается резервуаром всяческих «оппозиций», ее вожди эпохи подполья, октябрьской революции и гражданской войны — опасными и подлежащими истреблению конкурентами вытесняющего их в политическое небытие «сверх - вождя». И, наконец, партия становится вредною, как «средо-

диктатуры, которую наша партия давно уже сигнализировала. Вся политическая карьера Сталина со времени смерти Ленина, вся история его восхождения к власти связана с постепенным уничтожением демократии и политической жизни не только в стране, но и в самой господствующей партии. Чем всемогущее становился Сталин, тем больше отмирала партия, как живой организм. Чем меньше самостоятельно и свободно мыслящих людей оставалось в ВКП, тем легче становилось Сталину утверждать и укреплять свою единоличную диктатуру. Сейчас происходит повидимому последний этап эмансипации Сталина от партии. Не только уничтожена всякая возможность какой бы то ни было оппозиции против Сталина, все равно слева или справа, но уничтожаются физически и самые носители оппозиционных или «крамольных» идей. Истребляются систематически прежде всего все те, кто когда-либо в чем либо расходился со Сталиным или осмеливались ему перечить, — другими словами, почти вся старая гонимая большевистской партией. Но эта палаческая работа должна предотвратить в самом зародыше и образование всякой будущей оппозиции. Накануне введения в действие новой конституции, открывающей, в теории, благодаря тайному голосованию, какие-то возможности воздействия народных масс на состав государственных учреждений, — Сталин массовыми казнями и разжиганием террористической травли стремится создать «соответствующую» морально - психологическую обстановку для «свободного волеизъявления» народа. Перед лицом сотен тысяч тайных перевыборов во всевозможные учреждения, советы и другие органы власти, которые должны будут состояться в ближайшие месяцы, Сталин новой волной неслыханного террора, обращенного «внутрь», дает кровавое предостережение

стение» между массами и единодержавцем, от которого должно исходить все благое и к которому должны возноситься безраздельно удивление, почитание и благодарность масс. Как и всякая единоличная власть, сталинская власть стремится придать себе облик власти не партийной, не классовой, а «всенародной». В современной международной обстановке, в рамках той политики «единого фронта» и «борьбы за демократию», которую грозившая со стороны германского фашизма военная опасность заставляет советское правительство вести на международной арене, «всенародность» никакой иной формы, кроме формы «самой совершенной демократии», получить не могла. И основная задача момента заключается, с точки зрения Сталина, в том, чтобы помешать этим демократическим формам наполниться тем демократическим содержанием, которое ликвидировало бы его единоличную диктатуру.

Основные линии политики Сталина в этом вопросе совершенно ясны. Это, во-первых, изъятие из числа провозглашаемых демократических прав основного права демократии — права на свободную организацию и на свободное политическое волеизъявление: лишая на деле компартию всякой политической деятельности и превращая ее в простое орудие своей собственной воли, Сталин в своей конституции объявляет в то же время эту политически умерщвленную «партию» монопольным «политическим» представителем «всего народа». Это, во-вторых, заблаговременное «обезвреживание», а то и физическое истребление всех групп и элементов, способных выступить в роли организаторов и выразителей действительной демократической активности масс на почве новой конституции: именно сейчас, накануне введения в действие новой конституции, ведется эта спешная расправа, о ко-

Преступление

Для той бойни, которую Сталин только что учинил в Москве и которая, повидимому, будет еще иметь продолжение, название «террор» было бы поистине слишком почетным: это — простое, мстительно - свирепое, можно сказать, уголовное убиство.

Сталин не только физически истребляет всех, кто когда-либо становился ему поперек дороги в прошлом и мог бы стать опасным в будущем; он смешивает их с грязью, морально пачкает их. Долголетние ближайшие сотрудники Ленина, вместе с ним выработавшие программу и тактику большевизма и строившие большевистскую партию; члены «ленинского» Политбюро; главный организатор октябрьского переворота 17 года, Красной Армии и ее побед в гражданской войне; председатели Совета Труда и Оборона и обоих столичных Советов героической эпохи революции; председатель Коминтерна того периода, когда Коминтерн не был еще живым трупом; строитель «большевистского» профессионального движения (не убитый прямо, но вогнанный в самоубийство злобной травлей); — все они оказываются презренными негодьями, прохвостами, наемниками фашизма и Гестапо. Вся большевистская партия была построена, вся большевистская революция была сделана, весь международный коммунизм был взрошен мерзавцами, казнокрадами и продажными душами! Вот в чем Сталин хочет убедить мир, и вот против чего мы, свыше трех десятилетий боровшиеся против большевизма, мы, которых меньше всего можно заподозрить в какой-либо особой симпатии к Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, протестуем с предельным негодованием и возмущением. Протестуем во имя достоинства и будущ-

Р. Абрамович.

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

торой напоминают и массовая отправка социалдемократов в концлагеря, и гнусный процесс «троцкистов-зиновьевцев». Это, в третьих, систематическая коррумпция того широкого слоя поднимающихся из народных низов и поставляющих все больше основные кадры хозяйственного и государственного аппарата «знатных» людей, который мог бы явиться орудием подчинения всей политики государства интересам выдвигающих его трудящихся масс и который Сталин материальными выгодами, чинами и орденами старается превратить наоборот в орудие подчинения трудящихся интересам своей личной диктатуры.

Такова одна из тенденций эволюции политической надстройки завершительного периода. Но и тут существуют не менее сильные контр-тенденции. Было бы слепотою не видеть значительного успеха коррупционной политики сталинской диктатуры. Но не меньшею слепотою было бы не видеть тех факторов, которые этому успеху противодействуют и его ограничивают. Корруптировать небольшую верхушечную клику — дело, сравнительно простое. Несравненно труднее коррумпировать основную массу, все те сотни тысяч, а, может быть, уже и миллионы «выдвиженцев», которые являются подчас маленькими, но уже неустрашимыми и необходимыми винтиками и колесиками хозяйственной и государственной машины и которые в то же время еще неразрывно — и социальными, и хозяйственными, и культурно - бытовыми, и психологическими, и семейными узами — связаны с той широкой рабочей - крестьянской массой, которая непрерывно выделяет их из своей среды и непрерывно на них воздействует. В характере же и направлении этого воздействия сомневаться не приходится.

Было бы, конечно, чистой фантастикой думать, что массы предъявляют своим «выдвиженцам» развер-

нутую политическую программу, требуя ее немедленного и последовательного выполнения. Нет, отправной точкой давления масс являются, несомненно, их самые элементарные материальные интересы: стремление крестьян повысить свою долю при распределении продуктов их труда, стремление рабочих поднять свой жалкий жизненный уровень, увеличить заработную плату, улучшить общие условия трудового процесса. Но именно эти материальные интересы будут и будут будить в рабочих и крестьянских массах стремление коллективно и организованно отстаивать их, будут толкать их к борьбе за свободу и самоопределяющую организацию, т. е. за ту свободу, в которой как раз и отказывает им сталинская конституция, но которая является в то же время ключом к действительной демократизации советского режима.

Конечно, на первых порах речь будет идти лишь об организациях экономического характера. Но и борьба за свободу профессионально - экономических организаций имеет огромное и самое непосредственное политическое значение в условиях, когда решается вопрос, чем будет новая конституция: мнимодемократическим прикрытием единоличной диктатуры или орудием замены этой диктатуры режимом действительной демократии трудящихся, и когда тем самым решается вопрос не только о чисто политических формах, но и о социально - экономическом облике завершающего свою революцию советского общества. Огромный культурный рост советских масс; импульсы, идущие из окружающего мира, где в борьбе с фашизмом «борьба за демократию» становится лозунгом всех трудящихся; и, наконец, демократические идеи, бросающиеся в массы самою конституцией и бесчисленными комментирующими ее речами и статьям; — все это да-

ности русской революции, во имя достоинства и интересов российского и международного пролетарского движения, во имя достоинства и интересов российского и международного социализма!

Стреляя свинцом и грязью во все прошлое большевистской партии и большевистской революции, которое становится все более стеснительным для его самодержавия; заставляя всех — в том числе и ближайшее окружение свое — дрожать под наганом палачей, Сталин рвет последние нити, связывающие еще его диктатуру с пролетарски - революционным миром, стремится уничтожить последние возможности превращения новой, провозглашенной конституции в орудие мирного развития советской страны к демократии и социализму и сделать ее, наоборот, фундаментом для увековечения своего всевластия. Он еще раз — и с какой небывалой доньше откровенностью, очевидностью и определенностью! — выступает, как носитель контр - революционных, анти - пролетарских и анти - социалистических тенденций в развитии Советского Союза.

Что единоличная диктатура Сталина является все больше носительницей этих тенденций, — это для нас не ново. Мы сказали это еще раз в той серии фельетонов, которая была набросана вчерне и начала печататься еще задолго до того, как стало известно о задуманном Сталиным акте уголовного разбоя, именуемом «процессом троцкистов - зиновьевцев». Но что Сталин пойдет по избранному им пути такими семимильными шагами, — этого мы, признаться, не ожидали. Принятые им «темпы» свидетельствуют об одном из двух: либо почва уже уходит из под его ног и самая непосредственная опасность уже нависла над его головою, — и в этом случае надо в самое

ближайшее время ждать с его стороны новых расправ, и на сей раз с самым ближайшим его окружением; либо-же, так как 25 ноября уже не за горами, он спешно готовит, одновременно с актом утверждения новой конституции, какой - то другой акт, формально провозглашающий его сверх- и над-конституционным «отцом отечества», пожизненным консулом или чем-нибудь в этом роде. И в том, и в другом случае то будет новый гигантский шаг к бонапартистской и фашистской его единоличной диктатуре.

Было бы поистине роковым для судеб свободы и социализма в Советском Союзе и во всем мире, если бы вполне понятная, неизбежная и необходимая морально-психологическая реакция на Сталинский разбой дала те политические результаты, которых Сталин, собственно, и хочет добиться: обескуражила бы тех, кто хочет бороться в Советском Союзе за демократию и социализм, затуманила бы ясность их взора, заставила бы их сбиться с того пути, на котором только и можно искать спасения революционных завоеваний и социалистической будущности Советского Союза. Но нет, с пути, который намечается — не нами, а всей внутренне- и внешне - политической реальностью Советского Союза, никакие преступления Сталина нас не собьют! Мы не потеряем ни веры в те народные, рабочие и крестьянские, силы, которые взрошены двумя десятилетиями русской революции, ни страстного стремления работать над организацией этих сил под знаменем социалистической демократии, ни надежды на то, что единому фронту этих сил и сил трудящихся всего мира удастся и против Сталина, в борьбе со Сталиным привести дело свободы и демократии к победе! Мы не перестанем звать трудящихся России

на основании надеяться, что переход масс от чисто экономических требований к определенно - демократической политической платформе может совершиться гораздо быстрее, чем это кажется сейчас, и что массы сумеют самое конституцию сделать почвой и орудием для борьбы за эту платформу, или иначе говоря, за соответствующее изменение и фактическое осуществление провозглашенного «основного закона». А что в законе этом имеется достаточно «защепок» для планомерной борьбы за его же демократическое реформирование и завершение, это — неоспоримо: достаточно указать на тайну голосования.

Таким образом, подобно социально - экономическим итогам заключительного периода, и неразрывно связанные с ними политические итоги его могут быть лишь результатом борьбы двух противоположных тенденций, причем те - же самые факторы являются одновременно носителями тенденций анти - демократических и анти - социалистических. Победа демократических тенденций над тенденциями увековечения единоличной диктатуры является поэтому условием победы социалистических тенденций над тенденциями реставрационно - капиталистическими. Но, разумеется, и эта победа отнюдь не предпрещена автоматически.

Если бы единоличной диктатуре удалось превратить новую конституцию в никчемный лист бумаги, помешать массам использовать ее для действительной демократизации режима, сломить насильем все попытки их организованной борьбы, — то в этом случае и взрыв массового недовольства, не находящего мирного, «конституционного» выхода, и пассивность масс, отчаявшихся в успехе своей борьбы, могли бы одинаково стать

фундаментом для бонапартистско - фашистского завершения политической эволюции заключительного периода революции, — безразлично, явится ли режим бонапартистско - фашистского типа результатом окончательного вырождения единоличной диктатуры Сталина или насильственной замены сталинской диктатуры диктатурой другого лица или других лиц. Незачем еще раз напоминать, какою катастрофою был бы такой исход для трудящихся и Советского Союза, и всего мира. Наоборот, если трудящимся массам удастся овладеть новым конституционным аппаратом и поставить его себе на службу, то откроется возможность мирной, без новых сильных потрясений осуществляющейся ликвидации террористическо - бюрократической, единоличной диктатуры, мирного утверждения социалистической демократии в Советском Союзе и тем самым удешевления сил и мирного социализма в его борьбе с фашизмом.

Скептики скажут, что такая мирная ликвидация «totalitarian» диктатуры была бы небывалым в истории примером. Скептики будут правы. Но не правы будут они, забывая, что и условия развития Советского Союза не были бы в алы. Конечно, и в Союзе, как и во всем мире, в порядке исторического дня стоит — хотя и в своеобразной форме — тяжба между социализмом и фашизмом. Конечно, и в Союзе, как и во всем мире, решающим для победы социализма будет вопрос о том, пойдут ли средние классы и в первую голову, стомиллионное крестьянство в поисках путей для удовлетворения своих интересов и чаяний за силами контр - революции или за пролетариатом, станет ли их знаменем реакционная и обманчивая романтика замаскированной капиталистической реставрации или-же демократический рабочий социализм.

и всего мира к защите русской революции и Советского Союза от их внутренних и внешних врагов, но московские убийства дадут нам повод и возможность с большею силою доказательности, чем когда - либо, констатировать, что защищать революцию и Советский Союз нужно, прежде всего, от Сталина, можно лишь в борьбе против его единоличной диктатуры.

Впечатление, которое эти убийства уже произвели на широчайшие круги коммунистических рабочих за границей — и, конечно, в самом Советском Союзе — служат порукою тому, что своими преступлениями Сталин сам раскрывает им глаза на свою действительную роль. На него самого падает та кровь, которую он проливает ручьями, и та грязь, которую он бросает в своих противников. Историческое возмездие не заставит себя ждать!

Ф. Дан.

М. П. Томский

Совершенно неожиданно для авторов и режиссеров Московского процесса, как гром из ясного для них неба, раздался выстрел, которым покончил с собой старейший и активнейший член ЦКВКП, много лет состоявший членом его Политбюро, самый выдающийся из большевиков-рабочих и, пожалуй, самая колоритная и замечательная фигура среди вождей большевизма — Михаил Павлович Томский. Сталин и его соратники по инсценировке этого столь же ужасного и кровавого, сколь отвратительного и гнусного процесса, предпочли бы, конечно, бросить труп Томского в общую свалку с трупами Зиновьева, Каменева и товарищей, предваритель-

но вынудив его публично поливать себя грязью, приписывать себе самые нелепые и бессмысленные преступления и одновременно воскуривать фимиам своему собственному палачу.

Но Томский обманул их расчеты. И это не случайность.

Кровь от крови и плоть от плоти русского рабочего класса (покойный был по профессии гравером хромотографом), Томский вовлечен был в революционное движение сыгравшими огромную роль в 1905 г. стачками московских печатников. Большевики тогда подхватили Томского, и вскоре он становится активнейшим деятелем этой части с.-д. партии. Гениальный ловец человек для своей партии — Ленин — не мог пройти мимо яркой фигуры Томского, и в короткое время они делают закадычными друзьями. Начавший свою революционную карьеру в профессиональном движении Томский полюбил и привязался к этому виду работы. В 1917 году он оказывается во главе большевистских союзов, а после октября официально возглавляет русское профессиональное движение сделавшись председателем ВЦСПС. Вождем профсоюзов, этого — по излюбленному выражению большевиков, — «станового хребта диктатуры пролетариата», — коммунистическая партия должна была вознести на самую вершину своей иерархии, и в 1923 г. Томский избирается членом Политбюро ЦКВКП.

Политбюро видело в Томском своего ставленника в профессиональном движении, который должен беспрекословно творить волю Политбюро. Томский смотрел на дело несколько иначе: считая себя ставленником Политбюро в проф. движении, он одновременно рассматривал себя как представителя профсоюзов в Политбюро. Он признавал приоритет партии над профсою-

Но «небывалое» заключается в Советском Союзе в революционном происхождении «тоталитарной» диктатуры, в ее социальных корнях и связях, в социальной окраске того широкого слоя «выдвиженцев», на который она опирается, с одной стороны, в отсутствие капиталистической буржуазии и привилегированных классов прошлого, а потому в известном «социальном» деклассировании и верхушки старой интеллигенции, с другой. «Небывалое» заключается в том, что сплошное государственное хозяйство создает технику-экономическую основу для социализма, а коллективизация деревни — те рамки, которые облегчают крестьянству переход от нынешнего, насильственно навязываемого ему положения не к единолично - хозяйственному распылению, а к добровольному хозяйственному кооперированию. «Небывалое» заключается, наконец, в духовном состоянии народных масс Советского Союза, прошедших бурную и очищающую школу великой революции и получающих социалистически и демократически ободряющие импульсы от своих собратьев по классу из всего окружающего мира — из Франции, где начало подлинного «союза рабочих и крестьян» дает такие поразительные успехи, как и из Испании, где этот союз куется и закрепляется в героической борьбе против всех сил эксплуатации и угнетения.

Но, как и во всем мире, и в Советском Союзе такая «смычка» крестьянства не с контр - революционными, а с демократически - социалистическими, пролетарскими силами сможет осуществиться лишь в том случае, если сами рабочие проявят инициативу и умение в использовании наличных политических условий, т. е. возможностей, представляемых новою конституцией, для систематической и планомерной защиты и своих, и крестьянских требований и прежде всего — требования

организационной свободы. Ждать такого умения от рабочей массовой стихии, политически неискушенной и распыленной условиями «тоталитарной» диктатуры, разумеется, не приходится. Задача сплотить и организовать эту стихию и дать ей определенную политическую программу падает на те остатки или зародыши социалистических и коммунистических групп, которые отдают себе ясный отчет в требованиях исторического момента, но которые до сих пор вынуждены были существовать лишь в виде изолированных и замкнутых в себе ячеек. Теперь наступает время, когда они не только могут, но и должны начать выходить из этой замкнутости и наново протягивать щупальцы к массам.

Но опять таки непозволительной иллюзией было бы думать, что эти зачаточные ячейки социалистической рабочей организованности могут — и по своему собственному состоянию, и по созданным для них режимом диктатуры условиям полной отрезанности от масс — начать в сколько нибудь заметных размерах непосредственно массовую работу. Такая работа оказалась бы невозможной или возможной слишком поздно, если бы не было в социальной ткани советского общества посредствующего звена между зародышевыми социалистическими организациями и народными массами в виде той основной массы «выдвиженцев», которые сохраняют интимную социальную связь с рабочими и крестьянством, могут и должны на новом, провозглашенном конституцией отмеченном этапе политического развития Советского Союза, сыграть роль выразителей, руководителей и организаторов борьбы трудящихся за социалистическую демократию, как конечную цель завершительного периода, за раскрепощение организации, как основное средство для достиже-

Со стороны

«Что-то гнило в царстве датском»...*)

(К последнему Московскому процессу)

Если нужно было еще наглядное доказательство актуальности единого фронта преследуемых в Сталинской России оппозиционных рабочих течений — коммунистических, социалистических и анархистских, — оно с избытком дано последним Московским процессом.

Процесс коммунистов — оппозиционеров оказался только одним звеном в длинной цепи живых и провокационных Московских процессов. Он подтверждает еще раз всю лживость предыдущих, а эти бросают яркий свет на лживость последнего. Непрерывающаяся возможность подобных процессов говорит за то, что в Советской России и теперь что-то остается по-старому: в низах что-то кипит, в верхах что-то гниет. Интересы всех рабочих группировок, бесправных и беззащитных перед бюрократическим произволом, страдающих от одних и тех-же преследователей, говорят о необходимости объединения их сил для завоевания лучших условий существования, для оздоровления советской общественной атмосферы. Интересы международной борьбы против растущей реакции требуют того же.

Современная Россия любит представляться миру как самая счастливая, самая свободная страна. И только те или иные из ряда вон выходящие явления, которые систематически, через какие-то закономерные промежутки, возникают как «леус экс машина» на авансцене советской общественной жизни, показывают и самому слепому европейцу, что за казенным великолепием, за нарядными занавесями существует какая-то другая, страшная и настоящая действительность.

Убийство Кирова и новейший, уже третий по счету процесс против троцкистско-зиновьевской оппозиции являются последними проявлениями этого внутренне-го неблагополучия советской действительности.

В начавшемся Московском процессе вожди троцкистской и зиновьевской оппозиции обвиняются не более и не менее как в подготовке с 1932 года ряда террористических актов против Сталина и его ближайших сподвижников, в подготовке этих актов в непосредственном, сознательном сотрудничестве с Гитлеровским Гестапо. Воистину нет трудностей, которые не могло бы преодолеть Сталинское ГПУ: Абрамович был в Москве в то время, когда десятки людей видели его на даче в Мекленбурге и сотни — на Конгрессе в Брюсселе, а троцкисты работали с гестапо, когда оно еще не существовало. Мир раскусил, однако, Московские процессы. После Берлинского процесса по поджогу Рейхстага, после Вандер-Люббе, Московские процессы и их самообличители потеряли даже оригинальность, и неудивительно, что даже Лондонский «Таймс» мог указать на ряд моментов, подрывающих доверие к новейшей московской стряпне.

Всю ложность этой инсценировки распознать нетрудно, труднее разобраться в настоящей причине и цели

*) От редакции. Мы охотно даем место статье т. Цилиги. Она ценна не только тем, что напоминает некоторые мало известные факты. Ее основной интерес — в тех выводах, которые делает автор. Выводы эти позволяют надеяться, что и в самом Советском Союзе самые правверные большевики, если только они сохраняют искренность своих революционно-пролетарских убеждений, неминуемо придут к постановке тех же самых очередных задач борьбы за раскрепощение рабочих организаций и за рабочую демократию, которые давно уже выдвинула наша партия. Общность задач может и должна сделать возможным и тот «единый фронт» в борьбе за их осуществление, о котором говорит т. Цилига.

процесса. Ведь главные обвиняемые судились уже дважды после убийства Кирова по этому же делу — организации террора. Для второго процесса, летом 1935 года, во время которого выдвинуто было обвинение в организации покушения на Сталина, главных обвиняемых Зиновьева и Каменева привезли в Москву уже из Верхнеуральского политизолятора. В результате второго процесса, замолчанного всей советской пресой, Каменеву, оказавшему некоторую строптивость, добавили 5 лет тюрьмы. Зиновьев, обнаруживший большую готовность идти навстречу желаниям власти, обошелся без дополнительного наказания. Больше того: за «хорошее поведение» на суде его наградили по возвращении в изолятор лучшей камерой в западном крыле тюремного здания. Неужели третий по счету процесс имеет своей целью лишь повторить публично то, что уже было сказано при закрытых дверях на втором процессе? Признания и показания обвиняемых говорят о том, что цель сейчас шире. Мы узнаем теперь, что о «готовящемся» убийстве Сталина знали и его одобряли также лидеры правой оппозиции — Рыков, Томский и Бухарин; мы узнаем, что в «смертном списке» заговорщиков не было — Молотова и Калинина; мы узнаем, что вторую «резервную группу» оппозиции составляли такие верные капитулянты, как Пятаков, Радек и другие; наконец, новинкой явилось и сотрудничество «террористов» с Гестапо.

На скамью подсудимых посажена в той или иной форме вся старая гвардия большевизма, обвиняется она в самых мерзких преступлениях — в прямом сотрудничестве с фашизмом. Своим врагам, своим конкурентам по большевистской партии Сталин этим процессом наносит решительный удар, но что после этих обвинений остается от исторического большевизма? Что останется от того сука, на котором сидит сам Сталин?

Поведение обвиняемых усиливает общую картину разложения. Со времени инквизиции мир не видал подобных кающихся грешников. Европейская реакция не могла пожелать себе более приятного зрелища, чем то, которое являют миру обвинители и обвиняемые Московского процесса. Обелить себя перед европейской реакцией, добиться этим монстр-процессом ее милостей, кажется, как раз и желает Сталин. Более важным мотивом для этой инсценировки, чем компрометация левых связей с Гестапо, в которую все равно никто не поверит, является, пожалуй, желание облегчить переход от «Народного фронта» к «Национальному», которого с некоторых пор так рьяно добиваются ближайшие друзья Сталина в Западной Европе.

Смешивая в одну кучу и одним ударом разбивая все партийные оппозиции, будто бы за старые «грехи», Сталин видимо хочет в то же время в корне пресечь и какое-то новое, вновь нарастающее недовольство внутри партии и страны. Такие процессы не делаются во имя прошлого, из-за людей, годами сидящих уже в тюрьме, из-за людей устраненных от власти. Этот процесс имеет целью подавить то оживление умов и то брожение социальных групп, которые возникли в стране в результате завершения пятилетки и в связи с провозглашением новой конституции. Нанося удар левой оппозиции, господствующая верхушка ВКП хочет в то же время нанести удар всем недовольным коммунистам, недовольным рабочим, крестьянам, беспартийной интеллигенции, она хочет таким путем сделать заранее невозможным выступление какой-бы то ни было рабочей оппозиции в стране — коммунистической, социалистической и анархистской. Этот процесс — подлинная прелюдия к введению новой конституции.

Самое страшное, самое ужасное в этом, как и в

предыдущих Московских процессах, даже не в реакционном характере террора, несправедливых расстрелах и тюрьмах, которыми они сопровождаются, а в том позоре самооплевания, в той картине разложения, в том унижении человеческого достоинства, которые в них обнаруживаются. Из зала суда растекается яд разращения всего советского общества, деморализации рабочего класса России и всего мира, компрометация идей социализма, коммунизма и революции. Эти процессы — величайший триумф реакции внутри и вне страны.

Почему возможны подобные процессы в Советской России? Где тот очаг гниения, который своими микробами отравляет советскую общественную жизнь? Ответ на этот вопрос не нов, но сейчас он приобретает новую силу: корень зла — в бесконтрольном господстве власти, бюрократической верхушки над обществом, над рабочим классом. Источник гнили заключается в фактическом отсутствии, в прямой невозможности контроля над властью со стороны трудящихся масс. Источник гнили заключается в невозможности для рабочей массы организовать ту или иную политическую, профсоюзную или просто культурную организацию, неподчиненную бюрократической верхушке, независимую от нее. Источник гнили — в невозможности для рабочей массы издавать свои газеты, организовать какой-нибудь митинг, где бы бюрократическая власть критиковалась не по шпаргалке, составленной ею самою, а по пониманию и по потребностям самих трудящихся. Корень зла — в отсутствии рабочей демократии.

В ходе русской революции сделано много крупных исторических завоеваний. Русская революция была и останется примером освободительной и творческой инициативы масс. Но эти массы, израсходовав в тяжелых перипетиях революции значительную часть своей энергии, потеряли контроль над своими же собственными уполномоченными. Аппарат власти учредил свой абсо-

лютизм над массами. Из слуг рабочего класса и общества эти уполномоченные превратились в бюрократических хозяев над ними. Роза Люксембург указывала на эту опасность, на эту грядущую беду русской революции еще в 1918 году, когда эти явления носили еще зачаточный характер. Дальнейший ход событий в Западной Европе и в России подтвердил худшие опасения этой великой революционерки. Теперь, после индустриализации и коллективизации России, наступил момент, когда вопрос о борьбе за рабочую демократию приобретает новую силу и новую актуальность. Трудящиеся массы России инстинктивно это ощущают и к этому стремятся. Провозглашение новой конституции, видимо, не может уgomонить массы. Одна пышная фразеология конституции, видимо их не удовлетворяет. То, что не удастся достичь сладкими прищипками террора против трудящихся. Но характерно для переходного состояния России, что на этом процессе выступают только политические трупы, люди давно и многократно капитулировавшие перед Сталиным. Из активных троцкистов не-капитулянтов ГПУ никого для этого процесса «обработать» не смогло. Это является важным коррективом к картине разложения, которую дает сам процесс.

Рабочая демократия, действительное оздоровление атмосферы России не могут быть — как снова и снова напоминает этот процесс — подарком сверху, а только результатом борьбы снизу. Тут и должны сыграть свою роль различные оппозиционные группировки рабочего движения. Речь идет не о восстановлении буржуазной демократии, как она существовала на основе частно-капиталистического строя между февралем и октябрём 1917 года, а о торжестве рабочей демократии на основе сохранения и углубления завоеваний Октябрьской революции.

А. Цилица.

Предвоенная лихорадка

Еще нет войны, но мир уже бьется в предвоенной лихорадке. Международные конфликты растут в своем числе и обсуждаются в атмосфере исключительно нервной. После нескольких лет бесплодных разговоров о разоружении, великие державы, а за ними и даже самые малые, соревнуются в темпе и размерах вооружений. Все новые и новые миллиарды народных средств ассигнуются на флот, пушки и аэропланы.

В последние недели соревнование в вооружении захватило еще одну область: контингенты армий мирного времени.

Явная, все усиливающаяся агрессивность фашистской Германии, откровенные призывы фашистских вождей: «выполнить свою историческую миссию, спасти мир от коммунистической опасности», приближение сроков, которые намечались для «экспансии на Украину» — побудили советскую власть объявить 11 августа «о понижении призывного возраста на действительную службу с 21 года до 19 лет». Это мероприятие решено осуществить постепенно в продолжении 4 лет. Между 1936 и 1940 годами будут призываться ежегодно не один возрастной контингент, а 1½, т. е. примерно на 500 тысяч юношей больше, чем раньше. Благодаря этому, армия СССР уже в текущем году достигнет контингента в 1.300 - 1.500 тысяч человек.

Мотивировка этого мероприятия явно «дипломатическая». Ссылка на «значительное повышение физического уровня советской молодежи» — малоубедительна. Конечно, в СССР делается очень много рационально-го для охраны здоровья юношества и для физическо-

го укрепления его спортом, но, с другой стороны, всего каких-нибудь 3-4 года, как СССР вышел из состояния систематического недоедания широких слоев населения и, поэтому, призывные возрасты едва-ли могли уже выявить устойчивый прогресс в укреплении физического состояния. Если бы власти СССР решили в интересах укрепления «физкультуры» усилить привлечение молодежи призывных возрастов в спортивные организации — это было бы естественно, но призыв молодежи 19 и 20 лет на действительную военную службу отчетливо говорит об ином смысле этого мероприятия.

Еще менее убедительно второе официальное сообщение: «предоставить молодежи возможность после военной службы без перерыва работать в избранной специальности или учиться». Так как и в СССР учащейся молодежи дается отсрочка, то практически это означает, в большинстве случаев, что молодежь тотчас же после окончания средней школы будет идти на военную службу, а затем будет продолжать свое образование или начнет работать по своей специальности. Мероприятие совершенно нецелесообразное и с точки зрения общекультурной и со стороны успешности квалификации.

Во всяком случае и в физическом и в воспитательном отношении призыв на действительную военную службу и для этого отрыв от школьной или бытовой обстановки незрелых юношей в 19 лет — явление несомненно отрицательное, и необходимость своевре-

менного усилия обороны страны вряд ли оправдывает такую алармистскую меру.

Но во всяком случае не может быть сомнения в том, что для СССР эта мера носит чисто оборонительный характер. Так именно и оценила ее печать Англии и Франции.

Иначе отнеслась Германия. От «Фелькишер Beobachter» до «Берлинер Тагеблат» вся националсоциалистическая или подневольная печать Германии немедленно начала печатать статьи о «красной опасности», об «угрозе красных штыков», о «советском империализме, готовящемся к прыжку на Европу», о «красных подводных лодках, создающих смертельную угрозу для германских морских путей» и т. п.

Вся эта газетная шумиха имела определенную цель — прикриты мероприятия, уже заранее подготовленные правительством Гитлера; 24 августа декрет Гитлера увеличил срок действительной военной службы в армии с одного года до двух лет.

Эта мера увеличивает размер германской армии мирного времени до 1.365.000 человек. Не считая полувоенные организации (СА, СС и отряды трудовой повинности), достигающие 675.000 человек.

Милитаризация Германии происходит исключительно быстрым темпом. Следует вспомнить, что еще в 1933 году германская армия была равна по Версальскому договору лишь 100.000 человек, теперь она уже увеличилась в 13 раз. Если учесть первоклассное воору-

жение германских армий, состояние немецкой военной промышленности, путей сообщения и транспортных средств, то грозный рост и наступательный характер мощи страны Гитлера станет особенно ясен.

Естественно, что новое мероприятие Гитлера пробудило тревогу во Франции, Англии, Бельгии, Польше, Чехо-Словакии и др. странах, и имеется много оснований полагать, что в тревоге за свою безопасность в самое ближайшее время и другие государства начнут увеличивать контингенты своих армий и сроки их службы. Соревнование в военных расходах! Соревнование в вооружении! Соревнование в размерах армий «мирного времени»!

Войны еще нет, но подготовка к войне лежит уже тяжелым бременем на бюджете населения всех стран.

Но готовят не только оружие, готовят к войне и психику.

В высшей степени характерно, что в военной среде Германии сейчас пользуется огромным успехом книжка Вульфа Блей: «Мобилизация военного духа», автор которой ополчается против «овладевшего Европой духа мира, любви к ближнему, милосердия, смиренности» и утверждает, что «созидательный дух рождается в войне, а не в оконечном застое мира».

Германские милитаристы уже заканчивают свою подготовку к фашистскому походу.

А. Югов.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИОЛОГИЗМ И НАРОДНИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТИВИЗМ.

Когда открываешь свежий вышедший номер толстого журнала в красивом оформлении, напечатанный на хорошей бумаге, думаешь: а жить, ведь, и впрямь становится веселей! А вот сунешься в отдел критики и сразу одуреешь от чада, склоки и брани. Тут «веселой и зажиточной жизнью» еще и не пахнет. Тут все по-прежнему. А, может быть, в каком-то смысле и хуже прежнего. Во времена Рапповского «заезжательства», при всей недопустимости приемов, критики все-же исходили из каких-то цельных концепций. Это были варвары, обращавшиеся с тщательными формулами марксизма, как с булыжниками. Сейчас, вслушиваясь в литературную дискуссию, видишь перед собой разругавших жрецов, друг друга попрекающих в лжи, обмане и фальсификации.

Спор идет по всей линии. Спорят все со всеми. Спорит журнал «Новый Мир» с «Красной Новью», спорит «Литературный Ленинград» с «Литературной Газетой», спорят отдельные писатели и критики между собой. Самым характерным в этом споре является абстрактность тем при необычайно высокой температуре самой дискуссии. Это красноречивее всего свидетельствует о том, что предмет спора — псевдоним, за которым тщательно скрываются, может быть, и не вполне осознанные новые, назревающие конфликты внутри советской общественности.

«Завоевания социалистической культуры достигнуты вопреки (подчеркнуто автором) стремлениям и теориям целого ряда «идеологов», пытавшихся навязать советской общественной мысли свои дурацкие предразсудки. Они представляют собой последние остатки разбитых партий течений, состоявших из людей, которые рисовали себе социализм по Каутскому, по Троцкому, по Богданову и вообще по старой шпаргалке, составленной из различных элементов — меньшевистских, бундовских, анархо-синдикалистских. Наша победа есть их поражение» — так претендует на беспокойную роль

вождя критики Лифшиц разоблачает «меньшевистскую социологию» профессора Нусинова, одного из столпов советской критики периода генеральной линии. Впрочем это только вступление, дальше идет еще круче и забористее: Нусинов, оказывается, принадлежит к типу «наших социологических рептилий», повинных в том «шабаше социологической псевдо-науки», при помощи которой «засорялись мозги» читателей и учащейся молодежи. Нусинов в свою очередь обвиняет Лифшица в «народническом субъективизме» и, защищаясь от его нападков, напоминает Лифшицу, что, руководясь правилом — «клеветайте, клеветайте, что-нибудь да и останется» — он просчитался, ибо в «нашем социалистическом отечестве» «от клеветы остается несмываемое пятно только на физиономии клеветника». Надо признаться, однако, что в этом месте голос у Нусинова звучит совсем неуверенно, да и вообще весь тон его выступления обороняющийся и чуть извиняющийся: шутка-ли, в самом деле, ведь его упрекают в том, что он смеет полемизировать против Ленина!

Между обоими лагерями стоит испуганная редакция «Литературной Газеты» и сконфуженно лепечет: тес... на главной улице неудобно так громко спорить, перенесем обсуждение куда-нибудь на задворки «толстых журналов»!

Чего-же не поделили между собою советские критики, о чем спорят народные витии?

Спорят они, как и подобает настоящим жрецам, о возвышенном. Спорят о том, были ли классики художественной литературы — Шекспир, Бальзак, Толстой, Гоголь и т. д. — классово-беспольными существами или нет? Нусинов полагает, что Шекспир был дворянским писателем, Бальзак — буржуазным, что дворянскими писателями были и Пушкин, и Гоголь, и Толстой. То-есть как? — негодует Лифшиц: «Если Шекспир, Пушкин, Гоголь только художники собственнических классов, то в чем же их значение для людей, которые видят свою задачу в борьбе против всякого собственнического свинства?» Лифшиц решительно несогласен с такой класси-

фикацией: великие художники тем и велики, что они сумели отразить какую-то «объективную» правду жизни. Нусиновская-же теория «насквозь гнилая и циничная» и по своему существу «отрицает реалистическую основу искусства, отражение объективной реальности в нем». Это и есть не — что иное, как прямая полемика с Ленинской «теорией отражения», возврат к «взбесившейся социологии Богданова», которая, смотря по политической погоде на дворе, то «ультра-лева», то выражает «традиционный меньшевизм, по которому одно, мол, дело классовая позиция художника, другое — художественная и социальная ценность его произведений». Лифшиц и его единомышленники считают, что «чем полнее мы вытравим из нашей литературы всякие пережитки буржуазной социологии, как в ее катедер — марксистском облачении, так и в мнимо — революционной форме мешанского радикализма, тем яснее выступит перед нами реальное содержание борьбы общественных классов в истории». Хотя спор ведется как будто на исторической почве, он весь сотрясается от подземных толчков современности.

Своей кажущейся отвлеченностью, своей запальчивостью эта полемика немного напоминает ожесточенные споры шестидесятников накануне великого раскола в лагере революционных разночинцев между Писаревым, с одной стороны, и Салтыковым - Щедриным, с другой. Тогда отвлеченность спора имела свое объективное обоснование в том, что обе струи русской революционной мысли — городской пре-индустриализм Писарева и революционное народничество — идейно только формировались. Зашифрованность сегодняшних споров между «вульгарным социологизмом» и «субъективным народничеством» — результат воздействия режима диктатуры, который искусственно сдерживает и уродует развитие двух новых течений внутри советской общественности. И тем не менее обе эти струи уже бьются, уже ощущаются в недрах молодого советского общества, хотя оба лагеря и пользуются пока одним и тем же официально — допущенным оружием — цитатами из Маркса (впрочем, эти последние попадают все реже!), Ленина и Сталина. Особенно часты цитаты из Сталина. Но обращение советских критиков с цитатами из вождей очень живо напоминает сказку о том, как солдат варил суп из топора: кладется в котелок Сталинский топор в виде какой-нибудь «глубокомысленной» фразы, а затем тайком добавляется шепотка соли собственного домьела, толика крупинки, взятой у соседки. У каждого критика свои пропорции, вот почему и супы, сваренные из одного и того-же «неразменного» топора, получаются все-же разные!

Можно, однако, не сомневаться в том, что если конституция и связанная с ней демократизация режима не останутся на бумаге, процесс кристаллизации этих двух течений общественной мысли получит очень внушительный толчок для своего развития. Вот почему уже сегодня не безынтересно определить шансы обоих течений.

Для этого прежде всего уже сейчас важно установить некоторые новые моменты в процессе формирования идеологии нового общества. Пожалуй, самым знаменательным является то обстоятельство, что в области литературной критики оказался временно вакантным пост официального руководства. Особенно знаменательно при этом то, что этого даже никто не замечает! А между тем, факт, как говорится, налицо: ведь ни один, самый правоверный советский критик не сможет сегодня назвать никого, чье мнение в области «ведущей» критики было бы обязательно. «Правда» сделала было попытку вести литературную политику, но из этого пока ничего не выходит. Наступила пауза, кагая бывает иногда на собраниях, когда президиум уходит посоветоваться за перегородку зала: собрание знает,

что члены его скоро вернутся, поэтому оно продолжает чувствовать себя по-прежнему скованным и вместе с тем не может удержаться от беседы вполголоса.

Вторым и не менее интересным явлением после ряда лет генеральной линии с их принудительной нивелировкой политических взглядов нужно считать новое зарождение литературно — критических групп, верней стаяк. Пока литературно-критический калейдоскоп находился в руках Рапповских заправил, он то и дело встряхивался, и стеклышки, жалобно звеня, разлетались во все стороны. Сейчас, как и в начале нэпа, мы присутствуем при попытке первых робких образований таких группок. Правда, характер этих образований отличен от наповского периода. Тогда писатели с'езжались в столицы, как с'езжают доверчиво — улыбочивые провинциалы с множеством рекомендательных писем к столь личным незнакомым друзьям. За ними стояли еще те провинциальные коллективы, которые их выдвинули, и это давало им ощущение, столь характерное для провинциала, что он не одинок в большом чужом городе: ведь где-то далеко у него есть свой дом. Вспомним хотя бы первую группу сибирских писателей, пришедших в литературу к концу гражданской войны, объединение крестьянских писателей, влившееся во время нэпа, и группу так называемых юго — западных писателей, шумно вошедшую на его излете, прославляя грядущий «деловой американизм и русский душевный размах»...

Сейчас старые связи растеряны, надо устраиваться заново и иначе. Это чувствуют уже многие. Впервые за много лет писатели, выступая в печати или на собрании, говорят не только о себе и не только отмежевываются от собрата по перу; робко, не всегда членораздельно, они все же говорят: мы, т. е. я и такие-то близкие мне товарищи думаем — так-то. Такие писательские стайки имеются в Ленинграде, возникают они и в Москве. Хуже обстоит дело в провинции. Там еще доживают худшие Рапповские традиции «администрования», с перманентными чистками, «заскоками» и т. д.

Уродливый спор, ведущийся теперь на литературно — критической улице, отражает, может быть, начало нового периода. И здесь надо сказать, что при всей расплывчатости еще невысвобожденных из под официальной опеки общественных группировок — перевес все-же на стороне «вульгарного социологизма», не на стороне изуродованных, но в основе своей марксистских элементов, не на стороне пролетарских писателей и поэтов. Эти элементы наиболее и внутренне и идейно разобщены, ослепки и растеряны. Они начинают похотить на старомодных «санкюлотов», попавших в салон молодых людей июльской монархии. Молодые люди — «демократы», почти республиканцы, но им чужды и вызывают досаду санкюлотские «фантазии». У них есть свои «фантазии», им не напрасно кажется, что санкюлоты им «мешают».

В. Александрова.

Издания, поступившие в редакцию:

La Révolution Proletarienne, № 228.
American Socialist Monthly, August 1936, vol. 5, Nr 6.
Grecor Bientok, Europa und die Weltpolitik. Die Zonen der Kriegsgefahr. Verlagsanstalt «Graphia», Karlsbad.
Zukunft, № 8. New-York, 1936.
E. Prai. Was geht in Palestina vor? Tel-Aviv, 1936.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 5/8, 12/8, 19/8.

Отослано: № № 18, 19, 20.

От редакции. — По условиям технико — организационного порядка настоящий номер выходит без отдела «По России». Следующий номер выйдет 15 сентября.